

Доктор Лесли Аллен, Плач, Сессия 11,

Плач 4: 1-22

© 2024 Лесли Аллен и Тед Хильдебрандт

Это доктор Лесли Аллен в своем учении по книге Плача. Это сеанс 11, Плач 4:1-22.

В этом видео мы подходим к четвертой главе «Плача», и нам нужно задать основной вопрос: как она вписывается в книгу в целом? И ответ на этот вопрос совсем не очевиден.

Что оно здесь делает? И мы могли бы привести веские основания сказать, что глава 4 не нужна и, по крайней мере, неуместна. И есть две причины, по которым можно прийти к такому выводу. В главе 3, на протяжении всей главы, явно и неявно, темой была молитва, молитва, вам нужно молиться, и наставник призывал их участвовать в молитве и объяснял причины, по которым им следует молиться.

В этом вся суть «Плача 3», и он вознес свои собственные молитвы как стимул, как образец для подражания, этот мужской образец для подражания как параллель женскому образцу для подражания в Сионе в главах 1 и 2. Вот о чем говорилось в главе 3, а глава 5 очень естественно следует за главой 3. Это ответ: они молятся, они молятся. Итак, глава 5 очень похожа на следующий кусок головоломки. Так что же там делает четвертая глава? А затем 2, читая главу 3, мы обнаружили, что в послевоенный период наблюдалось движение к современным страданиям.

Главы 1 и 2 были очень поглощены воспоминаниями об осаде, но теперь в послевоенный период, во время оккупации врагом, есть современные страдания. И те ссылки, которые у нас были в главе 3, которые оставляют позади всю эту ситуацию с осадой, очень соответствуют главе 5, потому что глава 5 вообще не посвящена вопросам осады; речь идет о послевоенной оккупации Иуды. Хорошо, глава 5 естественным образом следует из главы 3. А как насчет главы 4? Он возвращается туда, где мы были в главах 1 и 2. Он возвращается к условиям осады при падении Иерусалима, и воспоминания прошлого переживаются заново.

Итак, что же нам делать с главой 4? И вот как я это вижу. Прихожане не были готовы перейти к пятой главе. Наставник готовил их и убеждал: «Вы должны молиться». Они не были готовы молиться.

В целом, принцип заключается в том, что процесс скорби имеет свой собственный график, и мы не можем заранее определить, как долго кто-то

будет горевать или, с другой точки зрения, какие аспекты будут входить в его горе и в значительной степени проявляться. В конце концов, в главе 5 собрание достигнет того поворотного момента в горе, которого жаждет наставник. Но они еще не готовы, и наставник уважает эту задержку.

Он остается с прихожанами и ждет, пока они его догонят. И вот мы здесь. Мы вернулись к главам 1 и 2. Мы рассматриваем ту же тему, потому что это то, что нужно делать собранию.

Одно из самых печальных интервью с пациентом, которые я когда-либо проводил в качестве капеллана, происходило в психиатрическом отделении. Пациенткой была женщина, жена, пережившая неудачный опыт. И теперь она страдала от тяжелой депрессии.

Я спросил: Оказывает ли вам семья поддержку? Ну, сказала она, мои родственники говорят мне, чтобы я смирилась с этим. Они не знают, что это такое, и не хотят знать. А как насчет твоего мужа? Я спросил.

Иногда он на стороне меня, а иногда на их стороне. Ох, как очень грустно. О, для понимающей семьи.

О, для понимающих друзей, которые могли бы собраться вокруг этой бедной женщины и оказать ей необходимую поддержку. О, для сочувствующих и сочувствующих людей, которые могут разделить это бремя. Наставник в «Книге Плача» именно такой, слава Богу.

Надеюсь, что и мы будем такими, если возникнет такая необходимость. Конечно, наставник возвращается в главу 4, чтобы отрепетировать свое горе. Он возвращается туда, где все еще находилось собрание.

Такова была нынешняя необходимость. И он может подождать вместе с ними, чтобы перейти к более позитивному этапу. В этой связи я думаю об Иисусе, идущем в Гефсиманский сад.

И я думаю о разочаровании, которое он испытал. Что я имею в виду? Что ж, по словам Матфея, в 26-й главе стиха он попросил Петра, Иакова и Иоанна остаться с ним. Не спи со мной, говорит он.

Я глубоко опечален. Мы знаем, что произошло. Они уснули.

И как, должно быть, был разочарован Иисус, потеряв их поддержку. И рядом с нами найдутся люди, которые скажут или захотят сказать: пожалуйста, не спите со мной. Пожалуйста, будьте со мной.

Я глубоко опечален. И я надеюсь, что мы их не подведем. Надеюсь, что мы возьмем пример с наставника.

Он остается там, где находится собрание. И он, возможно, не к радости, но он возвращается с ними духом к 1-й и 2-й главам. Это значит, что в стихах с 1-го по 20-й мы снова имеем погребальный плач. И он обозначен стандартными способами.

У нас есть это основное как. На самом деле здесь это происходит дважды. У нас такого не было дважды.

И помните, это крик. Это крик. Эха! Эха! И вот он входит в их страдания.

И он выражает для себя это словесное звучание скорби. И затем два, стихи с 1 по 20, имеют признаки серии смены контрастов. У вас есть старые добрые дни, а теперь у вас есть плохие дни.

Серия аномалий. Эти развороты рассказываются в форме коротких рассказов и отрывков повествования на протяжении всей главы. Итак, давайте пройдемся по этому похоронному плачу.

Прежде всего, кажется, что стихи 1 и 2 представляют собой повествование первого рода: как потускнело золото, как изменилось чистое золото.

Священные камни разбросаны в начале каждой улицы. Да, здесь есть метафоры. Затем, во втором стихе, мы подходим к реальности, реальной ситуации, стоящей за метафорами.

Драгоценные дети Сиона, ценящиеся на вес чистого золота, считаются глиняными горшками, делом рук горшечника. И это говорит о неуважении к человеческим достоинствам. Прихожан охватывает чувство никчемности.

И это было то, что Сион выразил в одной из молитв в середине первой главы, не так ли? Говоря о ее никчемности. Я бесполезен. Да, стих 11, взгляни, Господи, и посмотри, каким ничтожным я стал.

И хуже, чем считать других людей бесполезными, — это чувствовать, что ты такой, какой есть: бесполезный. И это говорится о народе в целом. Итак, во втором стихе мы видим фактическую ситуацию: драгоценные дети Сиона.

Мы возвращаемся к этому олицетворению Сиона. Как и в предыдущей главе, ее дети, по сути, являются собранием. Те, кто встречаются во дворе разрушенного храма, — это дети Сиона.

Итак, она говорит о своих собственных детях. И интересно, что в главе 4 есть рамка, общая риторическая рамка, которая начинается, ну, по крайней мере, во втором стихе, с этого олицетворения Сиона, возвращаясь к тому, что мы видели в главах 1 и 2. И это заканчивается на той же ноте. В стихе 22 мы упоминаем дочь Сион, дочь Сион.

Теперь, возможно, нам следует вернуться назад и поговорить об этой главе в более общем плане, прежде чем мы перейдем к этим подробным ссылкам. Глава 4 очень похожа на главу 2, но в ней отсутствуют те сильные эмоции, которые есть у нас там, которые Сион и наставник привнесли в ситуацию. Но наставник проявляет глубокую симпатию.

У нас есть мои люди. В стихе 3 мой народ стал жестоким. В стихе 6 — наказание народа Моего.

В стихе 10 уничтожение народа Моего. И это снова что-то перенято из главы 2, а по сути и главы 3. В 2.11 уничтожение моего народа. А это было подхвачено в 3:48, и из моих глаз текут реки слёз из-за уничтожения моего народа.

Итак, в разговорах о моем народе есть это глубокое сочувствие, это острое сочувствие. И затем, глядя на стихи с 17 по 20, кажется, что наставник лично участвовал в этом конкретном эпизоде, потому что он говорит с точки зрения «мы», «нас» и «нашего». Итак, послание таково: я поддерживаю вас духом, и я тоже был вовлечен в этот кризис.

Тогда надо сказать, что эта глава в целом представляет собой акростих, как и главы 1, 2 и 3. Но она короче того, что было у нас раньше, потому что строфы не трехстрочные. Это всего две строки. Итак, у нас есть 22 двухстрочные строфы, соответствующие 22 буквам еврейского алфавита. И нет у нас трехстрочных строф, которые были в главах 1, 2 и 3. И так 44 строки, всего 44 строки.

Если просмотреть весь «Плач», то мы увидим постепенное сокращение. В главах 1 и 2 было по 67 строк каждая, а в главе 3 — 66 строк.

Глава 4 сокращается до 44 строк. Глава 5 сокращается до 22 строк. И, похоже, происходит постепенное движение к литературному завершению за счет сокращения по мере продвижения и укорочения стихов.

Заметьте, я говорю о литературном завершении, не о психологическом завершении, которого вы никогда не получите в «Плачах», а о литературном завершении. Это его способ замедлиться, прийти к концу, сокращая каждое стихотворение по очереди. Итак, да, у нас есть стихи с 1 по 20, и мы просматриваем этот Погребальный Плач.

Мы увидели этот основной факт в первом эпизоде, можно сказать, во втором стихе, где речь идет о народе в целом и его чувстве никчемности. Он подхватывает метафору. Там упомянуты старые добрые времена.

Это были важные люди. У них было чувство своей ценности и ценности. Они были как золото, чистое золото.

Они были подобны священным камням, драгоценным камням, которые хранились в храме как сокровищница, как это часто случалось на древнем Ближнем Востоке. Но что они собой представляют? Это просто глиняные горшки, такие же, как глиняные горшки умерли уже дюжину, и они больше ни на что не идут. И поэтому возникает ощущение, что ты не в счет и бесполезен.

И вот мы здесь. Это народ в целом. Но затем, после этого, в большинстве случаев речь идет, сужается до разных групп внутри народа и включается в Похоронный плач поочередно о каждой части общества.

Итак, в стихах 3 и 4 говорится о детях, которые страдали от голода, и их нельзя было больше кормить грудью матери, потому что мать не производила молока. Ее недостаточно кормили. И их нельзя было кормить твердой пищей.

Твердой еды не было. И вот такая ужасная ситуация. В стихах 3 и 4 даже шакалы предлагают грудь и вскармливают своих детенышей.

Но мой народ стал жестоким, как страусы в пустыне. Язык младенца прилипает к нёбу из-за жажды. Дети просят еды, но им никто ничего не дает.

Итак, мы имеем такую трагическую ситуацию, страдания детей. И очень часто в телевизионной рекламе мы сталкиваемся на экране со страдающими детьми, которым нужна помощь. Вы дадите деньги, чтобы помочь этим детям? И это очень сильный аргумент.

И вот у этих бедных детей, кормивших грудью в древней Иудее, это происходило в течение первых трех лет жизни ребенка. Итак, это был важный аспект их поддержания. Но никакого кормления таким способом и никакого кормления.

И по иронии судьбы, люди как будто жестоки. На самом деле это не так. Но, как ни странно, это выглядит именно так.

Почему им ничего не дают? Ну правда, дать было нечего. Но этот образный контраст существует в двух отношениях. Даже шакалы предлагают грудь и вскармливают своих детенышей.

Но эти женщины, похоже, меньше животных. Как они могут это сделать? Мои люди, они как будто жестоки. И они подобны страусам в пустыне.

И это кусочек фольклора. И действительно, об этом говорится в книге Иова. Глава 39 Иова и стихи с 14 по 16.

Речь идет о страусе. И в стихе 13 говорится, что крылья страуса сильно машут, хотя на его перьях нет оперения. Он оставляет свои яйца в земле и оставляет их согреваться на земле, забывая, что пища может их раздавить и что дикое животное может их растоптать.

Он жестоко обращается со своими детенышами, как если бы они были не его собственными. Итак, здесь взята часть фольклора о страусе. И похоже, что люди ведут себя жестоко.

Но это только внешний вид. И мы знаем, что это не совсем так. Но по иронии судьбы, это так кажется.

А затем, в стихе 5, вы переходите к еще одному небольшому сценарию. Те, кто лакомствами лакомствами, гибнут на улицах, те, кто воспитан в пурпуре, цепляются за кучи пепла.

И вот еще один контраст того, что должно быть и что есть. Богатые люди теперь обеднели. Они превратились из богатства в лохмотья.

И у них не было еды. И они пережили ужасную нисходящую мобильность. И они больше не богаты.

Их банковских счетов больше нет. Итак, существует пугающая ситуация, когда общество может потерпеть разворот таким образом. Богатые люди цепляются за кучи пепла.

Их приучили носить фиолетовую одежду, которая была дорогой. И затем в следующем эпизоде, в стихах с 6 по 8, мы вернемся, скорее, к стихам с 7 по 8. Мы вернемся к стиху 6 позже.

Речь идет о гражданских лидерах, к которым обычно относятся с большим уважением и почетом. Гражданские лидеры пострадали. 7 и 8, ее князья были чище снега, белее молока.

Их тела были румянее коралла, а волосы — как сапфир. Теперь их лица чернее сажи. Их не узнают на улицах.

Кожа на костях сморщена. Оно стало сухим, как дерево. И, конечно же, это физический эффект голодания, и даже те люди, которые занимали высокое положение в обществе и были важны для управления обществом, даже они пострадали от физического эффекта голодания.

И лица их стали чернее сажи. И это на самом деле физическое явление: если вы голодаете, ваша кожа меняет цвет. Он становится темного, пурпурного оттенка.

И именно это произошло с этими гражданскими лидерами, с этими князьями. Во второй части стиха 8 кожа на костях сморщилась. Оно стало сухим, как дерево.

Это напоминает нам фотографии узников концлагерей, которые годами голодали и переутомлялись. Такая ситуация была, но в данном случае она была вызвана осадой и голодом, которые там происходили. И затем, в стихе 10, мы снова подходим к отношениям матери со своими детьми.

Чуть позже мы рассмотрим стих 9. Руки сострадательных женщин сварили собственных детей, и они стали их пищей в уничтожении моего народа. Пожалуй, самое ужасное из всего, что этих детей, умерших от голода, их трупы не хоронили, а использовали в пищу.

И как бы это ни было ужасно, это еще более ужасно в древнем религиозном контексте, где трупы считались нечистыми. Но эти трупы просто брали как туши животных и использовали в пищу. И это не является беспрецедентным.

Недавно я читал о блокаде Ленинграда во Второй мировой войне, о блокаде русских в руках немцев. И это длилось гораздо дольше, чем осада Иерусалима, которая длилась всего 18 месяцев. Это была 900-дневная, 900-дневная осада.

И снова главной проблемой был голод для тех, кто был заперт в городе. И произошло то, что существовал черный рынок, черный рынок человеческого мяса, людей, умерших от голода. В 10-м стихе есть одно интересное слово: сострадательный.

Руки сострадательных женщин сварили собственных детей. Они стали их пищей в уничтожении моего народа. И что означает это сострадание? Ну, часто принимают за женщин, которые раньше были сострадательны и проявляли все сострадание к своим детям, а теперь уже нет.

Но я подозреваю, что они все еще сострадательны. И что я имею в виду? Ну, эти маленькие дети умерли. Как я уже говорил, первыми умрут маленькие дети.

А их телам не хватает выносливости, чтобы противостоять разного рода атакам, в том числе нехватке еды, которые взрослые переносят легче. Подростки и взрослые переносят легче и, по крайней мере, терпят и живут дальше. Но дети умерли первыми, а остальные члены семьи выжили.

И я думаю, что сострадание проявляется к остальным членам семьи, чтобы продлить их жизнь, а также продлить жизнь жены и матери, заботясь об остальных членах семьи. И вот, у нее такое напряжение, это напряжение, как далеко она должна зайти как жена и мать? Моя работа — готовить еду. Как далеко мне следует идти? И в конце концов она осознала, что из своего сострадания ей придется использовать эти трупы в пищу, чтобы семья могла выжить.

Ужасное напряжение, с которым приходится справляться этим женам и матерям. Стих 11 мы рассмотрим чуть позже. Но стих 12 — это другой тип беспокойства.

У нас были различные физические проблемы, связанные с осадой. Но теперь возникает богословская проблема, очень животрепещущая богословская проблема. И об этом говорится в 12 стихе.

Не верили цари земные, да и никто из жителей мира, что враг или неприятель может войти в ворота Иерусалима. Самое интересное в этом стихе то, что он является отголоском песни Сиона. Этакое обратное эхо песни Сиона.

Псалом 76 — одна из песен Сиона в книге Псалмов. И в конце, ну, в стихах 11 и 12, принесите обеты Господу Богу вашему и исполняйте их. Пусть все, кто вокруг, принесут дары тому, кто грозен, тому, кто отсекает дух князей, кто вселяет страх в царей земных.

Вот такая ситуация, когда иностранные цари восхищались Яхве. Вместе с этим пришло восхищение Сионом, городом Божьим. И вот то восхищение и то уважение, вот что вызывает реакцию в стихе 12 здесь, в Плаче 4. Не поверили цари земные, цари земные, той самой фразе, и никто из жителей мира не поверил. , что враг или враг мог войти в ворота Иерусалима.

Почему? Потому что основным принципом богословия Сиона было то, что Сион неприступен. Вы не смогли бы пройти через его ворота, если бы вы были врагом, потому что Бог был там, и Бог всегда защитил бы Сион. Мы видели эту проблему ранее в книге, и она снова возникает как острая богословская и религиозная проблема.

Это старое ожидание настолько прочно укоренилось в доэзотическом мышлении, что от него пришлось отказаться. Это больше не имело значения, и

они могли видеть перед своими глазами, что это семя происходит и продолжается, и Бог не приходит им на помощь. Итак, говорят короли, мы не можем поверить, что это правда.

И об этом думала сама община, и это обычная первая реакция на утрату. Не могу поверить, что это правда. И поэтому возникает шок и отрицание того, что это когда-либо происходило.

Но это произошло, и вы знаете, что это произошло. Умом вы это знаете, сердцем вы этого не принимаете, но вы должны это принять. Итак, стих 12, трагический конец сионского богословия.

Им нужен новый набор ожиданий, и в главе 3 наставник пытается снова омрачить их, чтобы думать по-новому. Это обоснованное ожидание, и оно поведет вас вперед и вперед, за пределы вашей нынешней ситуации. Но ты все еще скорбишь.

Ты все еще скорбишь. Затем, с 13 по 16, есть еще одна часть общества, Иерусалимское общество, о котором здесь упоминается. И за грехи пророков ее и за беззакония священников ее, проливших кровь праведников среди нее.

Слепые, они бродили по улицам, настолько оскверненным кровью, что никто не мог прикоснуться к их одежде. Прочь, кричали им нечистые люди, прочь, прочь, не трогайте. Итак, они стали беглецами и странниками, и среди народов было сказано, что они больше не останутся здесь.

Что ж, стих 13 возлагает вину за конец сионской теологии на управителей этой сионской теологии, а именно на священников и этих пророков. Помните, мы говорили о них раньше, о пророках Шаломы, которые говорили, что все будет в порядке, и они с радостью объединились со священниками в своей уверенности, что теология Сиона поможет им пройти через это. И здесь, в этом разделе, мы видим деградацию священников и пророков Шаломы, и именно на них возлагается вина, эта вина.

Итак, мы читаем об их страданиях сейчас. И сказано, что они пролили кровь праведников посреди нее, а это очень резкие выражения. В четвертой главе вы встретите много нецензурной лексики, которую нам придется тщательно объяснять.

И вот на этих священниках и пророках Шаломы, пророках мира, лежит высшая ответственность за все произошедшее, потому что они не подготовили людей, не привели людей к покаянию, и они не чувствовали в этом нужды. Нет, уповайте на Бога, а не на нас, на нашу праведность или на его запачканные

лохмотья. Это Бог. Бог благословит и скажет, что все хорошо. Все будет хорошо. И поэтому они несут последнее.

Как будто они сами пролили кровь праведников среди нее. Они несут ответственность за гибель хороших людей на этой войне и в этой осаде. И затем дальше говорится об их страданиях.

Вслепую они бродили по улицам, столь оскверненным кровью. По мере того, как это происходит, мы, кажется, думаем особенно о священниках и о контрасте с их обычным положением, поскольку они стараются сохранять чистоту и чистоту и, например, не прикасаются к крови. Но здесь они оскверняются кровью.

Вокруг шло кровопролитие, и они не могли сдержать кровь на своих одеждах. Итак, они сами нечисты. Они осквернены кровью, и никто не мог прикоснуться к одежде их.

И вот прочь, на них кричали нечистые люди. Прочь, прочь, не трогай, не трогай их, они нечистые. И мы находим иронию этих священников, самых чистых и чистых за всю свою жизнь до сих пор.

Сейчас они пережили деградацию. Итак, священники здесь очень на виду. Они стали беглецами и странниками. Они пытались бежать в соседние страны, но другие страны их не хотели.

Они больше не останутся здесь. И вот, эти священники, которые были на вершине социальной массы, можно сказать, и имели такую ценность, эти люди, теперь они беженцы, их отворачивают, отворачивают. Затем в стихе 17 говорится о другом типе проблем и о несоответствии другим ожиданиям.

И это было военное ожидание. Ах да, мы не смотрели 16-й стих, потому что там все еще говорится об этих священниках. Священникам не оказывали никакой чести, старейшинам не оказывали благосклонности.

Нет, я не думаю, что это старейшины. Старейшины – это пожилые люди, и у вас всегда возникают проблемы с переводом на иврит. Это пожилой человек или старый человек? А я думаю здесь дело в стариках.

Никакой чести священникам не оказывалось, никакой милости, даже престарелым священникам, даже престарелым. Вы могли бы ожидать, что это произойдет, но это социальный разворот: стариков просто игнорируют, даже если они священники. Но затем стих 17: отсутствие у народа военного союзника и чувство разочарования.

Наши глаза тщетно ждали помощи. Мы с нетерпением ждали нации, которая не могла спасти. И была надежда в этой борьбе против Вавилона, в этом восстании против Вавилона.

На нашей стороне Египет. У нас есть договор, военный договор с Египтом, и они собираются прийти и помочь нам и прогнать вавилонян. И по иронии судьбы, они это сделали в течение короткого времени.

В книге Иеремии есть несколько стихов, в которых говорится об этом. Да, на некоторое время эту осаду пришлось приостановить, и армии пришлось спуститься в южную часть Иудеи, чтобы встретиться с египетской армией. Но вавилоняне победили, и поэтому египтяне бежали, и поэтому они, вавилоняне, вернулись, чтобы через короткое время возобновить осаду.

Итак, у этого народа нет союзника. Если бы только Египет пришел нам на помощь. Если бы у нас был этот военный союз.

О, пожалуйста, позвольте им прийти. И оказались они тростью надломленной, тростью надломленной. Эту фразу использовали ассирийцы в то время, когда Иуда искал; нет, это время, когда ассирийский посланник обращался к иерусалимским лидерам в 4 Царств 18 и стихе 21.

И сказал он: вот, ты надеешься теперь на Египет, на эту сломанную трость, подобную посоху, которая пронзит руку всякого, кто опирается на нее, как, например, фараон, царь Египетский, всем, кто надеется на него. И это сбылось сейчас. Это сбылось еще раз.

И Иуда обнаружил, что сокращение военного союза не поможет. Они все равно проиграли. Мы вернемся к стихам 18 и 19 и обратимся к стиху 20.

И вот очень трагический стих. И снова это старое почтенное ожидание рухнуло на землю. Это конец королевской теологии.

В стихе 20 говорится, что помазанник Господень, дыхание жизни нашей, было взято в их ямах, тот, о котором мы сказали, под сенью его, мы будем жить среди народов. Седекия, последний царь. И он был потомком династии Давидов.

И он был последним царем Давида. И были обещания, что эта монархия будет существовать вечно. На иерусалимском престоле всегда будет править царь.

И Иуда поверил этому. Иуда твердо верил в это. Но теперь этим ожиданиям пришел конец с захватом короля.

И нам рассказали эту историю. Нам дана историческая подоплека в 2 Царств, в 25-й главе и в стихах 4 и 5. Основные бои и осадные операции с точки зрения вавилонян, как правило, происходили на севере и северо-западе города и ворот вокруг него. И хотя вокруг Иерусалима, вокруг стен Иерусалима и в других местах находились вавилонские войска, они, как правило, были менее охраняемы.

И были еще ворота, через которые, возможно, можно было бы выскользнуть. Там были юго-восточные ворота, через которые король, королевская свита и часть армии думали, что мы сможем проскользнуть туда. И что мы можем сделать, мы можем пробраться на восток к Иордану и перебраться через него.

И у нас есть военный союз с Аммоном. И царь Аммонитян будет рад принять нас в качестве беженцев. Таков был план.

И это звучало так хорошо. А что же произошло на самом деле? Итак, 2 Царств 25, стихи 4 и 5. Царь со всеми воинами бежал ночью через ворота между двумя стенами царского сада. Однако халдеи были по всему городу.

Итак, они выходили через юго-восточные ворота, где вавилонян было не так много. И те немногие, кто был рядом, могли увернуться от них в темноте. И они пошли в сторону Аравы.

И это долина реки Иордан, потому что они надеялись попасть в Трансиорданию и в безопасное место в Аммоне. Но войско халдеев преследовало царя и настигло его на равнинах Иерихона, на западном берегу Иордана. Вся его армия была рассеяна и покинула его.

Затем они схватили царя и привели его к царю Вавилона в Ривлу. Рибла была штаб-квартирой в Сирии, и именно там находился Навуходоносор.

И он послал свою армию с трехзвездным генералом в Иерусалим. Кто вынес приговор Седекии. И они убили сыновей Седекии на его глазах.

И выкололи глаза Седекии. Итак, последнее, что он увидел, это убийство его сыновей вавилонянами. И связали его оковами и отвели в Вавилон как слепого пленника.

Вот такая история. Эта история была хорошо известна прихожанам, которые знали, что это произошло в их послевоенной ситуации. Итак, это конец королевской теологии.

И это так трагично. Сионское богословие и царское богословие были во многом параллельными и близнецами. Во 2-м псалме говорится: «На Сионе Я поставил царя Моего», — говорит Бог.

И это так трагично. Так трагично. Помазанники Господни были взяты в свои ямы.

Была засада. И вот оно. Он попал в ловушку.

Того, о ком мы сказали, под его тенью мы будем жить среди народов. Мы в безопасности. Он гарантирует нам безопасность среди народов.

И этот стих очень напоминает мне параллельный стих, если хотите, из Евангелия от Луки 24 и стиха 21. Помните ту пару, которая шла по дороге в Эммаус. И они не знали, что Иисус воскрес.

И этот незнакомец появляется во тьме вместе с ними. И они с ним разговаривают. И они не признают, что это Иисус.

Но у них есть эта печальная история. А в 21 стихе всё печальнее всего. Им приходится говорить, но мы надеялись, что именно он искупит Израиль.

Мы надеялись, что именно он искупит Израиль. И в этот конкретный момент возникает очень сильное ощущение, которое возникает в отношении Плача 4 и стиха 20. Что ж, в целом в этой главе мы переживаем похоронный плач, который сосредоточен на горе и потерях.

Потери очень разные. И здесь наставник признает необходимость скорбеть. Приходилось больше скорбеть, как описано в главах 1 и 2. Это было то, что нужно собранию.

Без этого они не могли обойтись. Было горе из-за потерь и перемен к худшему во многих сферах жизни. Социальные группы и социальные ожидания пострадали во многих отношениях.

И вот где мы находимся. Есть несколько стихов, которые мы пропустили по ходу чтения. И на некоторые из них мы можем взглянуть еще раз под другим углом.

Прежде всего, это акцент на страдании, акцент на страдании, на физическом страдании. В стихе 4 те дети, которые страдали, и это заставляет вас почти плакать, когда мы читаем его, насколько мы далеки от ситуации, язык младенца прилипает к небу от жажды. И дети просят есть.

Но им никто ничего не дает. Им нечего дать. Итак, страдания детей выражены очень остро.

И затем в стихе 6 мы, по сути, снова вернемся к стиху 6, но сейчас мы прокомментируем. Наказание моего народа было сильнее, чем наказание Содомы, который был свергнут в одно мгновение, хотя на него не была возложена никакая рука. Это отсылка к старой истории из Книги Бытия о том, как Содом и Гоморра были побеждены землетрясением и огнем, и все это в одно мгновение.

И контрастом с этим является мучительная медленная смерть народа Иудеи в условиях осады. И есть такой контраст: по крайней мере, это было сравнительно легко. Для Содомы все закончилось в мгновение ока, но не для нас.

Мы продолжаем страдать, страдать и страдать. А потом в 18 и 19, та виктимизация, мы раньше этот текст не смотрели, но это еще одна группа людей, которые пытались вырваться и, ну, во время блокады, а потом люди, которые пытались вырваться, двое группы. Они преследовали нас по пятам, чтобы мы не могли ходить по улицам.

Наш конец приближался. Наши дни были сочтены, ибо пришел наш конец. В 19 году наши преследователи были быстрее орлов в небесах.

Они преследовали нас по горам. Они подстерегают нас в пустыне. И есть две ситуации.

Один находится в осаде. Частью осадной войны было строительство деревянных осадных башен на колесиках, которые были выше ворот и стен. И вражеские лучники поднимались на вершину этих башен.

Внутри ворот у каждых ворот была площадь, площадь и общественная площадь, и там вполне могли гулять люди. И лучники могли целиться за пределами стен, но они были выше стен и ворот, и они могли целиться в людей на площадях. И вот произошло это издевательство над людьми, и это было ужасно страшно.

Наш конец приближался. Наши дни были сочтены, потому что наш конец настал. И люди уже тогда знали, что хоть осада и продолжается, хоть ворота и стены держатся крепко, она долго не продлится.

И конец был уже очень близок. А потом в 19, это беглецы. Возможно, это еще во время осады, а может быть, когда город падет, но им удастся бежать из города, как Седекия, но их преследуют.

И солдаты, иностранные солдаты, понимают, что они там, и преследуют их. Они быстрее орлов небесных. Они преследовали нас по горам, лежали и ждали нас в пустыне.

Мы не смогли сбежать. Мы не смогли сбежать. Итак, несчастный случай со страданием, один острый аспект.

Есть еще один аспект, на который нам нужно обратить внимание. Я хочу подвести итог одним предложением: Горе лишает жизнь красок. Это еще один тип утраты, и эта тема проходит через первую часть стихотворения.

В первом стихе это было золото, которое потускнело. С этим небольшая проблема, потому что золото не тускнеет, но, возможно, оно было грязным, или, возможно, его считали почерневшим от дыма от сгоревшего Иерусалима. Но это желтое золото, вы не можете увидеть это желтое золото так ясно.

И затем, в пятом стихе, выходят те, кто раньше был одет в пурпур, другой цвет. Теперь, по сути, они в лохмотьях. И затем, в седьмом и восьмом стихах, перед нами предстают различные оттенки.

Они были чище снега, белее молока. Их тела, их розовая кожа были более румяными, чем коралл. Их волосы как сапфир, иссиня-черные волосы.

Итак, вы получаете эти цветные ссылки, но все это меркнет, когда эти люди страдают. Итак, одно из посланий заключается в том, что одна часть этих страданий заключается в том, что горе лишает жизнь красок. Есть книга, которую я очень уважаю и которую я довольно часто использовал в своем собственном исследовании «Плача».

На самом деле это больше связано с Псалмами, а не с Плачными Псалмами. «Псалмы скорби» Энн Уимс — очень сильная книга.

И он получает свою силу от того факта, что эта женщина-автор потеряла сына; Думаю, это было на следующий день после его 21-го дня рождения. И вот она, ее единственный сын, он ушел. И она впала в ужасное горе.

Вальтер Брюггеман посоветовал ей написать стихи на темы похоронных плачей. Итак, это часть одного из ее жалоб. Она называет его «Плач 9-й псалом». Я просто прочитаю его часть.

О Боже, мир лишился красок. Музыка выключена. Безмолвная пелена покрывает любое зерно, любую оставшуюся зелень.

Все серо и пахнет смертью. И это во многом краткое изложение того, что хочет сказать «Плач» в первой части стихотворения. Горе лишает жизнь красок.

И еще есть несколько стихов, на которые нам нужно обратить внимание повнимательнее. Помните, в первой и второй главах упор делался на значение и интерпретацию. И это выходило за рамки обычного похоронного причитания, потому что в нем участвовал Бог.

И у вас было это богословское движение, внедрение богословской точки зрения. И здесь, в четвертой главе, мы снова встречаемся с проблемой значения и интерпретации. Можем ли мы придать хоть какой-то смысл этому горю? И здесь акцент делается не просто на человеческом явлении, как мы видели в первой и второй главах, но на том, что к этому приложил руку Бог.

И здесь есть отголосок, мы собираемся найти здесь отголосок пророческих оракулов о катастрофах. Помните об этом личном вмешательстве Бога. Я собираюсь сделать что-то плохое с теми, кто восстал против меня.

И это было во второй главе, божественное вмешательство в негативной форме. И это то, что мы, возможно, неявно находим в шестом стихе с упоминанием Содома. Мы знаем, и каждый читатель знает, что в этой истории за этим стоит Бог.

Наказание моего народа было больше, чем наказание Содома. И во многом это в руках Божиих. И это мучительно-медленное умирание было в руках Бога.

А затем, в стихе 11, мы возвращаемся в духе ко второй главе, Господь дал полный выход Своему гневу. Он излил свой горячий гнев. Он зажег огонь в Сионе, который пожрал его основания.

А если бы нам представили только один этот стих и спросили, где он в «Плаче»? Мы бы хотели сказать вторую главу, но нет, это четвертая глава. И там есть отсылка к гневу, и гневу, и этому огню, и тому, как он вписывается. Это литературно уместно: никакой еды, и им приходилось использовать мертвых детей в качестве еды.

Ну, по крайней мере, где-то была пища, и у огня была своя пища, пожирившая основания Сиона. Итак, новое ироничное упоминание о еде, но главное в том, что она в руках Бога. А затем в стихе 13 речь шла о грехах пророков и беззакониях священников и о возмездии.

Это по этой богословской причине. И в этот конкретный момент у этой конкретной группы возникает тема вины. А затем в стихе 16 Сам Господь рассеял их.

Он больше не будет обращать на них внимания. Это эти священники и пророки, НИВ, эта последняя фраза, Бог за ними больше не наблюдает. Бог больше не защищает их.

Верно, значит, интерпретация очень сильно навязана. На самом деле это не горе, но в этом отражении действия Бога есть еще и вина. Но, наконец, наконец, мы еще не дошли до конца.

Я говорил о стихах с 1 по 20, но с 21 по 22, о боже, это совсем другое. Все же есть смелый. Здесь мы имеем сильное утверждение веры, подобное тому, которое мы имеем в плаче Псалмах.

Хотя раньше у нас уже был погребальный плач, теперь мы подходим к элементу, который принадлежит молитвенному плачу в псалмах, — сильному утверждению веры. И после всех этих негативных разворотов в этом утверждении веры на будущее обещан позитивный обратный разворот. Радуйся и веселись, дочь Едома, живущая на земле нашей.

Но для тебя чаша пройдет. Ты напьешься и разденешься догола. Наказание за беззаконие твое, дочь Сион, совершилось.

Он больше не будет держать вас в изгнании. А за беззаконие твое, дочь Едома, Он накажет. Он раскроет ваши грехи.

И один комментатор сказал, что это самое сильное выражение надежды во всей книге. И это так важно. И это подтверждает позитивную позицию главы 3.

И это напоминает о надежде. Итак, это открывает путь к пятой главе. Мы упомянули об Эдоме.

А Едом, иногда в Ветхом Завете, считается врагом Иуды номер один. Например, в Псалме 137, который с грустью вспоминает падение Иерусалима, мы находим там: вспомни, Господи, против идумеян, в день падения Иерусалима, как они сказали: разрушь его, разрушь его. , вплоть до его основ. И продолжает жаловаться на вавилонян.

Но первая вина лежит на идумеянах. И сказанное там во многом связано с книгой Авдия. И есть целая тирада против Эдома, Эдома, Эдома и той роли, которую Эдом сыграл в падении Иерусалима и его последствиях.

Они объединили усилия; они должны были стать союзниками Иуды, но они объединили свои силы с Иудой. Что ж, можно сказать, что они были мудры, разумны и не собирались противостоять врагу, которому не могли

противостоять. Но с точки зрения Иуды, вот оно: они злорадствовали; ты злорадствовал над своим братом в день его несчастья.

И есть одна ужасная вещь: когда беженцы бежали на восток, идумеи стояли на их границе, захватывали этих беженцев и удерживали их, пока преследующая вавилонская армия не догнала их и не выдала, вот так. И вот мы здесь. Можно сказать, что Авдия во многом заполняет пробел в том, что касается этого стиха. Итак, там написано: ладно, смейся, радуйся и радуйся, но смеяться последним будешь не ты.

Ты не будешь смеяться последним. И есть упоминание о чаше, это чаша гнева. Авдий снова, 15 и 16 главы, говорит, что Едом испытает эту чашу гнева.

И в Иеремии 25 эта чаша гнева развита очень подробно. И вы помните, в какой-то момент это упоминается в Евангелиях; Я думаю, что все три Евангелия упоминают об этом, но мы посмотрим на Матфея. Матфея 26, и стих 39, Иисус в Гефсиманском саду, пройдя немного дальше, Иисус пал на землю и молился, отец мой, если возможно, пусть эта чаша пройдет от меня, но не то, что я хочу, но что вы хотите.

И поэтому эта чаша продолжает жить в Новом Завете, в опыте Иисуса. И, наконец, в стихе 22 мы видим контраст между будущим Сиона и будущим Эдома. И это то, что я называю теологией светофора.

Когда я еду на велосипеде и мне приходится остановиться на светофоре, на что я смотрю? Я смотрю на свет на перекрестке. И когда он станет красным, я знаю, что для меня он станет зеленым. И я думаю, что это замечательно.

Оно становится красным. Итак, я должен будет уменьшить масштаб всего через несколько секунд. Итак, красный свет для Эдома представлен в стихе 21.

И это подтверждается в конце 22: беззаконие твое, дочь Едома, накажет, Бог накажет, и грехи твои раскроет. Но это означает зеленый свет для Сиона. И этот зеленый свет прописан.

Плохие новости для Эдома означают хорошие новости для Сиона. Итак, наказание за ваше беззаконие свершилось. Это достигнуто.

И он больше не будет держать вас в изгнании. Или в НИВВ он не продлит вашу ссылку. Итак, после унылой и мрачной большей части четвертой главы мы приходим к позитивному утверждению.

И это закладывает основу для того, что мы будем читать в пятой главе. И мы надеемся, что это последний и успешный стимул для прихожан прийти

помолиться перед Богом, как призывал наставник.

Это доктор Лесли Аллен в своем учении по книге Плача. Это сеанс 11, Плач 4:1-22.